

fan₂on.doc

TERRY
PRATCHETT

**A Slip of the
Keyboard**

Collected Nonfiction

ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТ
ОПЕЧАТКИ
ИЗБРАННЫЕ ИСТОРИИ

fanzon

Москва
2019

УДК821.111-4
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett

A SLIP OF THE KEYBOARD

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2014

First published as A Slip of the Keyboard

by Transworld Publishers,

a part of the Penguin Random House group of companies

Cover Art © 2011 by Paul Kidby

Разработка дизайна серии — *А. Сауков*

Иллюстрация на переплете —

«Шах и Морт» *Пола Кидби*

Пратчетт, Терри.

П68 Опечатки / Терри Пратчетт ; [перевод с английского И. Нечаевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104829-7

Сборник статей и эссе знаменитого создателя Плоского мира Терри Пратчетта. Он легко и с юмором рассказывает о писательском закулисье. Но у смеха всегда есть изнанка — и у Пратчетта, мастера слова, это серьезные и пронзительные размышления о свободе и праве человека на смерть.

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-44

© И. Нечаева, перевод на русский язык,
послесловие, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104829-7

Вы держите в руках сборник слов, охватывающий всю мою карьеру. Поэтому я могу посвятить эту книгу только тем восхитительным людям, которые работали вместе со мной или помогали мне самыми разными способами¹ в течение многих лет.

Назову хотя бы некоторых: мои почтенные издатели Колин Смайт, Ларри Финлей, Марианна Вельманс, Филиппа Дикинсон, Сюзанна Бридсон, Малкольм Эдвардс и Патрик Дженсон-Смит. Любители слов: Катрина Вон, Сью Кук и Элизабет Добсон. Любимые редакторы: Саймон Тейлор, Ди Пирсон, Кирстен Армстронг, Дженнифер Брел и Анна Хопп. Всегда бодрые и готовые к работе журналисты Салли Рей и Линси Далладей. Господин меломанов — доктор Пэт Харкин. Мои друзья: Нил Гейман, профессор Дэвид Ллойд и один негодяй по имени мистер Бернард Пирсон. Управляющий директор «Нарративии»

¹ Они очень хотели помочь и почти всегда делали это с отвратительной жизнерадостностью. (Здесь и далее примечания принадлежат автору, если не указано обратное.)

ОПЕЧАТКИ

и еще больший негодяй Род Браун. Мои соавторы: Стив Бакстер, Жаклин Симпсон, Джек Коэн, Иэн Стюарт и мой личный картограф/драматург/носитель досин и человек тысячи голосов¹, Стивен Бриггс. Художники: Пол Кидби, Джош Кирби и Стивен Плеер. Мои очаровательные помощники Сандра и Джо Кидби. Спасибо Джейсону Энтони за «Ежемесячник Плоского мира», Элизабет Олвей за Гильдию фанатов и последователей и Стиву Дину за великолепный «Набалдашник посоха». Отдельного упоминания заслуживает глава Гильдии воров, человек, который способен на всё, мистер Джосайя Боггис/Дэйв Ворд². И «Голова королевы», где подают восхитительные маринованные яйца и рагу из капусты с картофелем. Спасибо всем, кто организовал или пережил хотя бы один конвент Плоского мира как участник или организатор, а особенно их основателю Полу Кружицки. И всем, кто помогал мне или не мешал, а особенно Робу, который тихо работает, и без которого...

Спасибо всем. Спасибо.

¹ Если они все говорят с валлийским акцентом.

² Удалить ненужное.

Предисловие

Нил Гейман

Я хочу рассказать вам о своем друге Терри Пратчетте, и это будет нелегко. Я расскажу то, чего вы, скорее всего, не знаете.

Кто-то из вас встречал некоего обходительного джентльмена с бородой и в шляпе и воображает, что видел сэра Терри Пратчетта. Это не так.

На фантастических конвентах к вам часто приставляют человека, который водит вас с одного мероприятия на другое и следит, чтобы вы не потерялись. Несколько лет назад мне попался человек, который приглядывал за Терри на тexasском конвенте. Он чуть не расплакался, вспомнив, как водил Терри с лекции к книготорговцам и обратно.

— Сэр Терри — очаровательный старый эльф, — сказал он.

«Вот уж нет», — подумал я.

В феврале 1991 года мы с ним ездили в автограф-тур с «Благими знаменьями», романом, который написали в соавторстве. Я мог бы рассказать массу смешных и правдивых баек об этом туре. Терри использует эти истории в своих книгах. И сейчас я расскажу чистую правду — просто обычно мы об этом не говорим.

ОПЕЧАТКИ

Мы были в Сан-Франциско. В книжном магазине нам пришлось подписать примерно дюжину книг, которые они заказали. Терри посмотрел в расписание. Дальше нас ждала радиостанция: нам предстояло дать часовое интервью в прямом эфире.

— Судя по адресу, тут всего квартал, — сказал Терри, — а у нас еще полчаса. Пошли пешком.

Это случилось давно, в те чудесные времена, когда не существовало еще GPS-навигаторов, мобильных телефонов, приложений для вызова такси и других подобных полезных вещей, которые могли бы подсказать нам, что до радиостанции никак не несколько кварталов. Скорее несколько миль. В гору. В основном через парк.

Каждый раз, натыкаясь на телефон-автомат, мы звонили на радиостанцию и говорили, что да, да, мы опоздали на эфир, и что мы бежим со всех ног, вот вам крест (на насквозь пропотевшей груди).

По дороге я пытался придумать что-нибудь бодрое и оптимистичное. Терри молчал. Так молчал, что было совершенно ясно: что бы я ни сказал, будет только хуже. Я ни разу не заикнулся о том, что ничего этого не случилось бы, если бы мы просто попросили книжный магазин вызвать нам такси. Некоторые слова назад не возьмешь, и после них нельзя остаться друзьями. Это были бы именно такие слова.

Мы добрались до радиостанции, которая стояла на вершине холма, очень далеко отовсю-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ду, опоздав на свое часовое интервью минут на сорок. Мы ввалились в студию мокрые, тяжело дыша, а там как раз передавали срочные новости. В местном «Макдоналдсе» кто-то стрелял в людей. Так себе подводка к интервью, если ты собираешься говорить о веселой книге о конце света и о том, что нам всем предстоит погибнуть.

Люди с радио на нас страшно злились, и их можно было понять: импровизировать, когда гости опаздывают, невесело. Полагаю, что и оставшиеся нам пятнадцать минут в эфире вышли не слишком веселыми.

(Позднее мне сказали, что эта радиостанция в Сан-Франциско внесла нас с Терри в свои черные списки на несколько лет, потому что Боги Радио не прощают тех, кто заставляет ведущих сорок минут изворачиваться, заполняя эфир.)

Так или иначе, к концу часа всё завершилось. Мы поехали обратно в отель. На этот раз на такси.

Терри пылал безмолвным гневом: подозреваю, что в основном он злился на себя. Ну, еще на мир, который не сказал ему, что расстояние от книжного до радиостанции значительно больше, чем ему показалось. Он сидел на заднем сиденье рядом со мной, белый от ярости. Комок злости. Я сказал что-то обнадеживающее, пытаюсь его успокоить. Может быть, что-то такое:

— Ну ладно, в конце же всё разрешилось. Это же не конец света. Хватит злиться.

ОПЕЧАТКИ

Терри посмотрел на меня и сказал:

— Не надо недооценивать мой гнев. Без него не было бы «Благих знамений».

Я подумал о том, как энергично пишет Терри, как он тянет за собой нас всех, и понял, что он прав. В его текстах есть злость. Именно злость стала той силой, которая создала Плоский мир. Если поищите, вы ее найдете. Злость на директора школы, который посмел подумать, что шестилетний Терри недостаточно умен для экзамена «одиннадцать плюс». Гнев на претенциозных критиков, которые считают, что смешное — это противоположность серьезному. Злость на первых американских издателей, которые не могли нормально представить его книги.

Именно злость всегда питала его работу. К тому моменту, когда эта книга подойдет к концу и Терри узнает, что болен редкой формой ранней болезни Альцгеймера, гнев его уже найдет себе другие мишени. Теперь он злится на свой мозг, свою генетику и даже на страну, которая не позволяет ему (и другим людям, оказавшимся в невыносимой ситуации) самим выбрать время и способ ухода из жизни.

И кажется мне, что эта злость основана на свойственном Терри глубоком чувстве справедливости.

Именно это чувство лежит в основе всех его работ и книг. Именно оно выгнало его из школы в журналистику, потом в Центральный совет по

ПРЕДИСЛОВИЕ

выработке электроэнергии и, наконец, сделало его одним из самых популярных и продаваемых писателей в мире. И это же чувство справедливости заставляет его в этой книге, пусть порой и мельком, походя, всё же упоминать решительно всех людей, которые на него повлияли. Например, Алана Корена, придумавшего множество техник короткой юмористической прозы, которыми мы с Терри пользовались все эти годы. Или же блестящий и неповоротливый «Брюэровский фразеологический словарь» и его составителя, преподобного Эбенезера Кобэма Брюэра, самого прозорливого из авторов. Предисловие Терри к «Словарю» меня немало повеселило. Мы в восторге звонили друг другу, обнаружив новый, доселе неизвестный вариант этой книги («Эй, у тебя уже есть экземпляр “Словаря чудес подражательных, реалистических и догматических”»?).

Собранные здесь вещи охватывают всю писательскую карьеру Терри, со школьных времен до эпохи Рыцарства Королевства букв, и они всё еще образуют единое целое.

Они не датированы, если не считать упоминаний специфического компьютерного «железа» (полагаю, что если только Терри не отдал его на благотворительность или в музей, он может до сих пор сказать, где хранится его «Атари Портфолио» и сколько он заплатил за дополнительную карту памяти объемом в совершенно немислимый один мегабайт). Автор этих эссе всегда го-

ОПЕЧАТКИ

ворит голосом Терри: добродушным, разумным, компетентным, суховатым и немного удивленным. Возможно, если вы читаете быстро и не особо обращаете внимания на такие вещи, вы можете счесть его веселым.

Но вся эта веселость таит под собой гнев. Терри Пратчетт не из тех, кто безропотно уходит во тьму, вечную или нет. Уходя, он злится на очень многое. На глупость, несправедливость, человеческую недалекость и близорукость, а вовсе не только на умирание света. Хотя и на него тоже. И рука об руку с гневом — так демон под руку с ангелом уходят в закат — идет любовь. Любовь к людям со всеми их грехами, к некоторым драгоценным для него вещам, к историям, и прежде всего, любовь к человеческому достоинству.

Другими словами, гнев — это его топливо, но именно величие духа привлекает этот гнев на сторону ангелов или (так лучше для нас всех) орангутанов.

Терри Пратчетт — вовсе не веселый старый эльф. Ничего подобного. Он намного больше этого.

Терри слишком быстро сходит во тьму, и на это я тоже страшно злюсь. На несправедливость, которая лишит нас... чего? Еще двадцати или тридцати книг? Еще одной полки, полной идей, великолепных фраз, старых и новых друзей, историй, в которых люди делают именно то, для чего рождены на этот свет — то есть используют го-

ПРЕДИСЛОВИЕ

лову, чтобы вылезти из тех проблем, в которые не залезли бы, если бы хоть немного подумали раньше? Еще книги или двух вроде этой, с журналистикой, агитпропом и даже редкими предисловиями? Но, честно говоря, потеря всего этого не так уж меня и сердит. Мне от этого грустно, но я видел создание некоторых книг вблизи и понимаю, что каждая книга Терри — это маленькое чудо, и у нас их и так уже больше разумного, а жадность — плохое чувство.

Я злюсь, потому что скоро потеряю друга.

И думаю: «А что бы Терри делал, если бы так злился?»

И тогда я беру ручку и начинаю писать.

Нью-Йорк, июнь 2014 года

Нежданный бумагомаратель

О книжных магазинах, драконах,
письмах от фанатов, сэндвичах,
орудиях труда, злости и всем прочем,
что составляет жизнь Профессионального
писателя